

ДАРЬЯ КАЛИНИНА

ИРОНИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Очки большого города

Иронический детектив Дарьи Калининой

Дарья Калинина

Очки большого города

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

Очки большого города / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2021 — (Иронический детектив Дарьи Калининой)

ISBN 978-5-04-158142-8

Серафима из окна увидела странных грузчиков, которые во время грозы выносили вещи соседей. Потом оказалось, что это никакие не грузчики, а воры: они обчистили квартиру и даже прихватили с собой завернутую в ковер девушку Анну. Что это – дурацкая шутка или криминальная загадка? Как бы то ни было, теперь Фима вместе с симпатичным следователем Арсением ищет преступников...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-158142-8

© Калинина Д. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дарья Александровна Калинина

Очки большого города

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Калинина Д. А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Глава 1

За окном бушевала буря. Это был не какой-нибудь там заурядный дождь с ветром, который в другое время пусть и с натяжкой, но можно было бы назвать бурей. Нет, сегодня не нужно было что-то для кого-то додумывать, сегодня на улице разыгралась самая настоящая буря, именно такая, какой ей и полагается быть. И ярилась она изо всех своих сил, можно сказать, разгулялась на славу.

Ветер ронял рекламные тумбы, поднимал вверх шаткие конструкции, порывы ломали ветви деревьев и роняли их на головы прохожих и крыши припаркованных вдоль тротуаров машин. Сами машины налетевшая на город неожиданно-негаданно буря тоже сдвигала с места. А забытую каким-то непутевым папашей детскую коляску так прогнала по улице, что та развила совсем неплохую скорость и обогнала осторожнодвигающийся по дороге автомобиль причудливого лимонно-желтого цвета.

И все же наблюдать из окна за разгулом стихии было огромным удовольствием. Так думала Фима, прижавшись лбом к темному стеклу и глядя на улицу. Это удовольствие становилось лишь сильнее от осознания того, что лично ей ничего не грозит. В уютном гнездышке их благоустроенной квартиры на втором этаже, находящейся к тому же в самой середине дома, Фима могла смело рассчитывать на то, что разыгравшаяся буря пронесется над ее головой, не задев оной.

Но тут ударила молния, и девушка даже ахнула от восхищения. Молния была огромная, такие молнии бы где-нибудь над просторами Аризоны, а не у них в Веселом поселке. Вспышка высветила ту самую желтую машину, которая только что медленно ползла по дороге, а теперь вовсе остановилась возле подъезда дома напротив. Машина в первую очередь заинтересовала любопытную девушку своей расцветкой.

– Просто цитрус какой-то!

Но ей пришлось отвлечься от созерцания заинтересовавшей ее машины, потому что из другой комнаты раздался голос тетушки:

– Серафима! Слышишь, как громко!

– Тетушка, это всего лишь гром.

– А ты чем там занимаешься?

– Ничем.

Но тетушка уже появилась на пороге. Лицо ее при виде племянницы, сидящей у открытого окна, исказилось от ужаса.

– Фима! – воскликнула она, прижимая к груди руку. – Ты меня убиваешь!

– Чем?

– И ты еще спрашиваешь! У тебя же окно открыто!

– Но ведь не нараспашку.

– Закрой его немедленно! Прилетит ведь, не приведи бог!

Тетушка имела в виду шаровую молнию. Она очень их боялась.

Этот страх жил в тетушке с самого раннего детства. Когда тетушка была еще маленькая, родители ее даже по этому поводу к врачу водили. Тот обещал, что со временем малышка перерастет этот страх и перестанет бояться шаровых молний, но тетушка выросла, возмужала, но страх перед этим странным дивом природы покидать ее пока что-то не собирался. Он совершенно обжился в тетушке и с возрастом вроде бы даже укрепился и разросся.

И что самое интересное, что в реальной жизни с шаровыми молниями тетушке не приходилось сталкиваться. Да и к обычным молниям тетушка относилась вполне терпимо, находила в них даже какое-то жутковатое великолепие. А шаровых боялась, хотя и не могла припомнить

ни одного случая, чтобы лично видела такую диковинку. Кто-то рассказал тетушке историю о том, как шаровая молния убила человека. И все, страх вцепился в тетушку на всю жизнь.

– Все, все! – успокаивающе произнесла Фима. – Я уже закрыла.

Фима повернула ручку стеклопакета так, чтобы оставить хотя бы крохотную щелочку.

Но тетушку это не устроило:

– Закрой! – в панике потребовала она. – Закрой полностью! Наглухо!

Пришлось закрыть. В комнате немедленно стало душно, но тетушка, казалось, была довольна. Она кивнула и отправилась с инспекцией по квартире – проверять другие источники возможного проникновения в дом шаровых молний.

Вообще во время грозы их семья неизменно переходила на особое положение. Пользоваться телефоном и унитазом было нельзя. Также нельзя было открывать краны хоть с холодной, хоть с горячей водой. Сливы раковин экранировались фольгой, которая, в свою очередь, придавливалась булыжниками, чтобы какая-нибудь особенно шустрая шаровая бездельница не прошмыгнула бы к ним в квартиру через сантехнический слив. Также под запретом был телевизор, компьютер и все прочие гаджеты, потому что тетушка была уверена: шаровая молния способна перемещаться в пространстве по тем же самым волнам, которые позволяют работать Всемирной паутине. Ах да! Свет включать тоже не разрешалось.

В общем, в грозу ее домочадцам оставалось лишь читать, если позволяло дневное освещение. А если дело было вечером, то они могли попить чайку или чего-нибудь покрепче. Чай нужно было кипятить на газу, который почему-то под тетушкины запреты не попал. А воду нужно было брать из заранее приготовленных запасов, кран, как мы помним, открывать было нельзя. Для этой цели у них в доме всегда стояла канистра с чистой питьевой водой.

Но Фима сегодня уже попила и чай, и кофе, выпила она и винца, которое нашла восхитительным, но которое, увы, слишком быстро закончилось. О том, чтобы в такую грозу отправиться в магазин за новой порцией веселящего душу напитка, нечего было даже и думать. Поэтому девушке оставалось одно-единственное доступное развлечение – пялиться в окно.

– Уф! Как жарко в комнате! Совсем дышать нечем!

Фима прислушалась. Тетушка вступила в схватку с Павликом – младшим братишкой Фимы. Парень находился в подростковом возрасте, когда люди склонны рушить все устои и нарушать все запреты. И сейчас Павлик пытался отстоять свое право на пользование смартфоном во время грозы.

Фима прислушалась к его возмущенным крикам и лишь снисходительно хмыкнула. Она это уже проходила в свое время. И поняла, что переубедить тетушку не получится. Ну что же, хорошо, пусть Павлик все же попробует и сам убедится, что это нереально.

Во всем этом было что-то и хорошее для Серафимы. Пока тетушка занята Павликом, ей будет не до племянницы.

И Фима, протянув руку, вновь открыла окно.

– О-о-о! – протянула она, когда струя свежего воздуха, наполненного запахом мокрой листвы, ворвалась в комнату. – Как же хорошо!

И попыталась закрыть окно, но тут рука ее замерла.

– А это еще что такое?

Возле подъезда дома напротив Фима заметила двух мужчин. С такого расстояния ей было невозможно разглядеть их лица, она даже не бралась определить их возраст. Тем не менее они привлекли к себе ее внимание тем, что возле них стояли какие-то тюки и сумки, которые они перетаскивали в багажник той самой лимонного цвета машины. Тюков было много, потом к ним присоединились какие-то коробки, которым тоже конца и краю не было видно. Фима даже удивлялась, как все это барахло помещается в багажник обычного кроссовера.

– Выбрали времечко, нечего сказать. Вот шальные!

Ливень продолжал свирепствовать, то и дело перемежаясь молниями и раскатами грома. Дверцу багажника ветер дергал с такой силой, что, казалось, вот-вот она отлетит вовсе. Мужчинам тоже приходилось нелегко. Порывы ветра пошатывали их, заставляя пригибаться ниже к земле. Но мужчины упорно не оставляли своей затеи.

И Фима невольно заинтересовалась:

– Что они делают? Почему им так приперло? Переезжают? Или уезжают? Да уж, подходящую погоду выбрали эти двое для погрузки!

А когда из дома появился свернутый в рулон ковер, то Фима даже хихикнула:

– Все-таки упрямые дураки! Другого времени не нашли!

Ковер был очень большим, мужчинам пришлось нести его вдвоем, и то было видно, что они еле-еле справляются со своей ношей. Два раза их сдувало с пути, и приходилось делать петлю и возвращаться назад. Ноги у них дрожали, да и видимость упала. Внезапно один из мужчин шагнул на газон, который размяк от дождя, нога у него поползла, и он упал, уронив свою часть ковра в лужу и вызвав бурю негодования у второго.

Первый как-то пытался оправдаться, потом встал, и они снова повторили попытку загрузить ковер в салон машины. На этот раз сплосховал уже другой, заноса свою часть ковра таким образом, чтобы потом засунуть ее в машину, он не заметил низенького заборчика, отделявшего проезжую часть от придомовой. Споткнулся и грохнулся прямо в грязь. Чтобы не увлечь ковер за собой, он был вынужден его отпустить. В итоге ковер упал другим своим концом в лужу и намок теперь совершенно равномерно.

Фима тихо веселилась у своего окошка. До чего странные люди! Что бы взять и отложить погрузку до лучших времен! Нет, эти двое трудностей не боятся. Им чем сложнее, тем лучше.

– Может, уезжают куда? – принялась строить догадки Фима. – На поезд должны погрузиться, поезд ждать не будет, поэтому и не могут отложить погрузку вещей до хорошей погоды?

Наконец двое страдалцев с горем пополам запихнули ковер в салон машины, сели сами, и через какое-то время машина скрылась за пеленой дождя. Лимонно-желтое пятно растаяло вдали, и Фима с разочарованием вздохнула.

Уехали! Жалко. Какое-никакое, а все же развлечение.

Она снова прислушалась к происходящему у них в квартире. Тетя Римма продолжала учить Павлика правилам безопасного поведения при грозе. Мальчик сопротивлялся ее нравоучениям как мог:

– Тетечка, поймите вы, смартфон у меня даже без выхода в интернет! К розетке он не подключен, потому что незачем, аккумулятор еще полный. По сути, он сейчас работает как магнитофон на батарейках. Скажите, каким образом шаровая молния может просочиться в него? Не из воздуха же она сюда прилетит?

– Из воздуха, Павлушенька, именно что из воздуха. Послушай свою старую тетю, выключи смартфончик. Ну зачем тебе эта музыка? Послушаешь ее потом, когда гроза закончится.

– Если вы думаете, что шаровые молнии летят на звуки музыки, так я наушники надену.

– Наушники – это еще хуже! – испугалась тетушка. – Вдруг через наушник молния пройдет. Тогда тебя прямо в голову ударит. Я этого не переживу!

И тетя начала часто-часто дышать, что являлось у нее признаком подступающего гипертонического криза. Тетя умела так себя накрутить, что давление у нее подскакивало до рекордных двухсот сорока на двести. Так недолго и инсульт схватить.

Фима уже хотела крикнуть брату, чтобы тот не мучил их тетку и сделал все, как она хочет, но тут же сообразила, что тогда тетка притащится с проверкой уже к ней. А у Фимы за окном как раз начало происходить кое-что интересненькое.

Из того самого подъезда, возле которого недавно сустились мужинки с ковром, выскочила невысокого роста кругленькая женщина в ярко-красном спортивном костюме и белых приметных кроссовках.

Вначале Фима подумала, что как это ни дико будет выглядеть, но дама собирается заняться физкультурой и намерена совершить пробежку прямо под проливным дождем.

Женщина и впрямь заметалась вдоль дома, вправо-влево. Далеко она не отбегала, сустилась между тремя подъездами – своим и двумя соседскими.

Потом женщина решила к своим физическим нагрузкам прибавить еще и прыжки. И стала подпрыгивать, стремясь при каждом прыжке заглянуть в окна первого этажа. Но при этом было видно, что никакого удовольствия ей этот процесс не доставляет, потому что женщина громко кричала. Несмотря на гул ветра и непрекращающийся ливень, Фима сумела уловить, что женщина зовет какого-то Саньку. И, судя по принятым ею мерам, этот Санька был нужен женщине безотлагательно.

– Что это там у них такое происходит?

В этот момент из подъезда выскочил лысый мужинка, который составил женщине компанию. Теперь они прыгали уже вдвоем. Вот только в отличие от своей красиво упакованной супруги ее мужина одет был по летнему минимуму, семейные трусы в полоску и домашняя вытянувшаяся майка. Тем не менее прыгал, скакал и размахивал руками он ничуть не менее азартно, чем его супруга.

Теперь Фиму было уже не оторвать от окна. Она сообразила, что судьба послала ей великопное зрелище. Наконец одно из окон открылось, из него выглянула чья-то голова, которая о чем-то переговорила с этими двумя. Потом голова исчезла, но зато спустя короткое время к супругам присоединилась тучная дама в цветастом халате и с намотанной на голове белой чалмой. В это время ветер задул с такой силой, что сорвал чалму, которая оказалась всего лишь полотенцем, которое стремительно унеслось прочь. Под полотенцем у женщины в халате обнаружили бигуди, видимо, соседи буквально вытащили даму из ванны.

– Хоть бы не простудилась! – заволновалась за нее Фима, которая была доброй девочкой.

Но саму владелицу полотенца его утрата ничуть не взволновала. Она что-то объясняла своим знакомым, то и дело тыкая пальцем в ту сторону, где совсем недавно стояла желтая машина. Потом все трое дружно потрусили друг за дружкой вдоль дома, но на этот раз уже не стали метаться от подъезда к подъезду, а свернули за угол и скрылись из виду. Как только они ушли, со старого дерева с хрустом отломилась половина, которая с грохотом свалилась на дорогу. Задела она и припаркованные машины. Немедленно включились и загудели сигнализации на машинах, выскочили из подъездов встревоженные хозяева машин, и Фима отлипла от окна.

– Нет, ну надо же! Какая бурная жизнь в том подъезде!

На мгновение Фима даже почувствовала что-то похожее на зависть: до чего же интересно живут другие люди! Под аккомпанемент грома перевозят вещи, под дождем спортом, бегом и прыжками занимаются. Но потом она быстро справилась с этим недостойным чувством, напомнив самой себе, что с ними живет тетушка Римма, которая одна стоит целого подъезда, населенного чудаками, и устыдилась.

Собственно говоря, тетушкой они называли старушку без всякого на то основания, потому что Римма была младшей сестрой их бабушки, а стало быть, им она приходилась двоюродной бабушкой. Но родители Фимы и Павла звали Римму тетушкой, так в семье и повелось. Сейчас родители уехали отдыхать на море, а тетушка самолетов боялась по причине их преследования все теми же шаровыми молниями. В представлении тетушки эти молнии так и выслеживали самолеты, а потом норовили забраться внутрь через любое отверстие, хоть трубу реактивного двигателя, хоть через слив унитаза.

Объяснить тетушке, что реактивный двигатель сам кого хочешь вытолкнет, а туалеты в самолетах давно био, было невозможно.

– И грозы на теплом юге случаются куда чаще, – твердила тетушка Римма. – Нет, не поеду. Ведь где грозы, там и молнии, в том числе и шаровые.

Чего не учла милейшая тетушка Римма, так это стремительно меняющегося климата, который заставил бурные ураганы сместиться намного севернее их привычного места обитания.

В итоге родители укатили вдвоем, чему, надо полагать, были очень рады. А присматривать за тетушкой Риммой, у которой с каждым днем появлялись все новые и новые идеи, остались Фима с Павликом. Вернее, скорее Фима, потому что на Павлика положиться в вопросе с тетушкой было трудно. Он никогда не имел с ней контакта, вечно задира старушку и пытался ее поучать, что тетушку Римму огорчало весьма сильно, а когда тетушка огорчалась, то шаровые молнии начинали ей чудиться буквально за каждым углом.

Постепенно гроза стала стихать. Тетушка Римма слегка успокоилась и позволила открыть в квартире окна, а потом и сняла все прочие ограничения. Теперь Фима могла бы залипнуть в своем смартфоне, но ей было это не интересно. Теперь ее интересовало то, что происходит в доме напротив.

А там все еще только начиналось. Владельцы испорченных упавшим деревом машин суетились между могучих ветвей. Не обращая внимания на липнущую к ним мокрую листву, они пытались как-то разобрать завал, чтобы хотя бы примерно подсчитать убытки. И в это время Фима снова увидела тех троих. Тетку в красном спортивном костюме, мужика в полосатых трусах и бабу в цветастом халате, которая нежно прижимала к груди найденное полотенце, которое уже не было таким белым, но от этого явно не становилось менее ценным.

– Хотя бы за это можно не волноваться. Сбежавшее полотенце вернулось к своей хозяйке.

К удивлению Серафимы, колоритная тройка явилась не одна. Сердце у Фимы вздрогнуло, когда она увидела, что вместе с чудаками пришел и их участковый. Фима его знала, потому что он как-то приходил к ним знакомиться. Был он молод и симпатичен внешне, так что произвел на Фиму изрядное впечатление. И его большие синие глаза, и угольно-черные кудри еще долго тревожили покой ее девичьих сновидений.

Теперь Фима еще внимательней наблюдала за всем, что происходило за окном. Она видела, что все четверо сперва оторопели, когда увидели поваленный на дорогу ствол дерева. Участковый даже остановился и пытался вмешаться в ход работ, но тетка в халате потянула его за собой. А так как руки у нее больше напоминали свиные окорока, то противиться ей было трудно. Участковый даже и не пытался.

Все четверо скрылись в подъезде, но затем, спустя непродолжительное время, вновь появились на улице. Теперь женщина в красном костюме и мужчина в трусах что-то возбужденно говорили участковому, то и дело тыкая в то место, где предположительно стояла лимонно-желтая машина. Потом они обращались к женщине в халате, словно прося ее быть свидетельницей, и она неизменно подтверждала их слова, важно кивая своей головой, которая была уже украшена новой чалмой, на сей раз свернутой из голубого полотенца.

И Фима не утерпела. Очень уж ее любопытство было раззадорено.

Она потихоньку выскользнула из дома, перебежала через их дворик и оказалась возле интересующего ее подъезда как раз в тот момент, когда участковый уже прощался с тремя гражданами.

– Не волнуйтесь, пожалуйста. Вернется ваша дочь.

– А если нет? Если эти люди ее похитили?

– Скорее она поехала с ними по доброй воле. Это же ее друзья.

– Приятели, – сухо произнесла тетка в красном.

– Но вы же понимаете, насильно мы вам ее не имеем право вернуть. Она уже совершеннолетняя, если пожелала уйти от вас и жить отдельно, то это ее выбор.

– Она может выбирать сколько угодно. Но вещи пусть вернет! Вещи ей никто не позволял забирать. А она и технику увезла, и посуду, и постельное белье.

– Ковер и тот увезла! – добавил мужчинка в трусах обиженным тоном. – Мы его из Тегерана на себе перли не для того, чтобы эта проходимка его под ноги своему кобелю бросила!

– Разберемся, – пообещал им участковый. – Машина достаточно приметная, найдем!

Он повернулся, чтобы уйти. И Фима поняла, что если сейчас она не заговорит с ним, то не заговорит уже никогда. Нужно было ловить момент, и она буквально подскочила к участковому.

И воскликнула:

– А я все видела! Вас интересует желтая машина, на которой увезли ковер и другие вещи? Я видела, как их грузили. И видела, кто грузил. Двое каких-то мужчин.

Тетка в красном и мужик в трусах обрадовались.

– А дочку нашу тоже видела?

– Анька с ними была?

Нет, никакой девушки Фима не видела. Может быть, та сидела в машине? Но в машину очень плотно утрамбовали вещи, на заднем сиденье расположился ковер, пассажиров там не было. Спереди было всего два места, одно для водителя, другое для его компаньона.

– Не было девушки.

Ее слова вызвали негодование у мужа с женой.

– Как же не было, если должна была быть!

– Ты плохо смотрела!

Но Фима держалась стойко:

– Простите, но девушки не было!

– Должна была быть! – возмутились эти двое. – Иначе, кто разбойников в нашу квартиру пустил? Кто им нужные коробки указал? И ведь какая хитрая дрянь, дождалась, когда мы к переезду приготовились и все вещи у нас были уже упакованы. Им даже корячиться не пришлось, все уже готово для них было. И только и оставалось, что взять нужные коробочки, в которых самое ценное лежало, да и свалить под шум дождя!

– На машине, которую отец этой гадине – нашей доченьке купил на свои кровно заработанные. Да если бы мы знали, что она нас на первого попавшегося кобеля променяет, то никогда бы ей ничего не покупали.

– Вырастили дитятку!

– Как к родной всегда относились!

– Всю душу в нее вложили.

– А денег сколько на нее ушло! Сколько разных секций и кружков она посещала! Все оплачивали!

– Бальные танцы!

– Фигурное катание!

– Репетиторы!

– Иностранные языки!

– Учись, достигай своих целей, все условия тебе для этого созданы. Родители для тебя денег не жалеют. Нет! Только за мужиками и гонялась. Как иной мужик не может спокойно мимо юбки пройти, так и наша не могла мимо себя ни одни штаны пропустить. В десятом классе забеременела, в одиннадцатом – дурную болезнь подцепила. Еще хорошо, что вовремя спохватились, пролечили!

– Но, видать по всему, порок неисцелим!

Фиме было неловко слушать, как родители позорят и ругают свою дочь. Пусть эта Анька и была непутевой, но зачем же так ее грязное белье перед всем честным народом трясти. Вот уже и соседи позабыли про свои искореженные машины, думать забыли про упавшее дерево, стоят, рты разинули, слушают. Но если Фиме было неловко, то родители пропавшей вместе с ковром Ани никакой неловкости не ощущали. Они продолжали рассказывать, и постепенно нарисовалась примерная картина преступления, случившегося в их доме, пока над городом бушевала гроза.

Глава 2

Суть случившегося преступления была вот в чем. Муж с женой, родители бедовой Аньки, которых звали Лукерья Тихоновна и Георгий Прокопьевич Крючковы, имели похвальное обыкновение отходить на боковую очень рано. В семь часов вечера они вдвоем ужинали, а в восемь начинали готовиться ко сну. И в девять, самое позднее в половине десятого, уже крепко спали. Так было и сегодня.

– Пока Анька на кухне посуду после ужина перемывала, мы успели расстелить кровать и хотели лечь спать.

Участковый покачал головой.

– Вот вы свою дочь ругаете, – укоризненно произнес он, – а она у вас вон какая заботливая, посуду вызвалась вымыть.

– Так мы с мужем тоже удивились. Сроду за Анькой такого не водилось, а тут вдруг! Сначала-то мы обрадовались, а теперь понимаем, не радоваться нам надо было, а насторожиться. Но вы дальше слушайте, что было!

А дальше было следующее. Как раз в тот момент, когда супруги ложились в кровать, они услышали, как дверь их комнаты тихонько щелкнула, закрываясь на замок.

На этом месте участковый снова не выдержал и вмешался:

– У вас что же, и в квартире внутренние двери снабжены замками?

– Только в нашу комнату, – объяснил Георгий.

– Уходя из дома, мы всегда ее закрываем, – подтвердила его супруга. – А как же? Все ценные вещи хранились у нас в комнате. На Аньку-то положиться нельзя, несерьезная девка выросла, мужиков к себе в гости водит, а что у них на уме? Могут украсть, бывали уже случаи до тех пор, пока мы всех мер предосторожности не приняли и дверь к себе в комнату железную не установили.

– Как-как? – еще сильнее удивился участковый. – Железную дверь установили? Прямо внутри квартиры?

– Да, в нашу спальню!

– Но это же... Наверное, не очень красиво.

– Ох, дорогой вы наш, Арсений Петрович, пожили бы вы с нашей доченькой, еще не так бы запели. Это же горе горькое, а не дочь!

– Если бы мы в свое время знали, что такое из нее чудо-юдо вырастет, нипочем бы не взяли к себе в дом!

Прозвучало это так, словно у родителей был какой-то выбор.

– Другого ребенка бы себе выбрали.

– Благо выбор был огромный! Бери – не хочу!

Участковый в третий раз поднял руку:

– Так Аня у вас приемный ребенок?

– Приемыш! – подтвердила женщина. – Но вырастили-то мы ее как родную!

– А она знала? Вы ей говорили, что вы ее удочерили?

– Упоминали при ней постоянно, ясное дело, как же без этого? Должна была помнить, что мы к ней с добром. Особенно когда не слушалась, всегда ей говорили: помни, девочка, добро, которое мы тебе сделали. Только не очень-то это помогало! Неблагодарная она оказалась девка.

– Вот уж знали бы, другую взяли. В стране отказников в детских домах полным-полно. Выбери любого ребенка! Так нет же, выбрали Анечку. Подкупило, что сама беленькая, глазки голубенькие, чисто ангел. А посмотрите, что из этого ангела выросло! Лучше бы мы другого ребенка взяли, – подтвердил мнение жены и ее мужчина в трусах.

– Была там еще одна девочка, рыженькая, очень она мне приглянулась, так нет же, мой уперся, не хочу рыжую, хочу блондинку. Вот теперь и носимся с этой блондинкой.

– Тише ты! – шикнул муж на супругу. – Сама знаешь, почему Аньку взяли.

– Почему-почему, потому что родни ни у тебя, ни у меня нету. Племянники бы хоть были, а так в старости и опереться не на кого.

– Ну да, поэтому, конечно.

Но жена его все еще не унималась:

– А ведь воспитатели предупреждали нас насчет Анечки. Говорили нам, что у нее дурная наследственность. Что мать ее от наркотиков померла, а до этого все панели в городе обтерла. А уж про биологического отца девчонки никто и знать ничего не знал. У ее матери небось столько кобелей побывало, что папашу среди них отыскать – проще иголку в стоге сена!

– Ну что ты мелешь! – рассердился мужик. – Ведь не знаешь, что за люди были ее родители.

– И ладно бы Аня благодарной выросла! Нет, не было в ней такого! Как с четырнадцати лет по мальчишкам начала бегать, так и не останавливалась. Хорошо еще, что без наркотиков дело обошлось.

– Это мы надеемся, что обошлось. Но сдается мне, что уже и до этого дошло. Родительские гены все-таки дали о себе знать!

– Воспитывали как принцессу, а выросла шалава!

– Бездельница и потаскуха!

Серафиме было очень неприятно все это слушать. Она искренне не понимала, зачем эти двое позорят свою дочку? Ну пускай их Аня не идеальна, пускай у нее имеются отдельные недостатки, местами даже очень крупные, но скажите, кто из нас лишен их? У каждого за душой найдется какой-нибудь грешок. Если поискать у самих родителей в шкафу, то нашелся бы не один скелет. Просто у Ани все ее грехи были напоказ, вот что сильнее всего возмущало ее родителей. И еще, скорей всего, Аня не желала работать, иначе давно бы уже съехала от своих сварливых родителей в отдельную квартиру.

И Фима подумала: до чего странно, что Аня до сих пор не нашла способ, чтобы уйти от родителей. Если кавалеров у нее было пруд пруди, неужели ни один не пригласил ну не замуж, но хотя бы к себе пожить? Пусть даже на время, все лучше, чем постоянно слышать брань приемных отца с матерью.

– Сучка нам в дочери досталась!

Участковый Арсений поморщился.

– Вы бы так не поносили свою дочку-то, – вполголоса произнес он. – Вернется – как ей тут будет жить?

И он показал глазами на соседей, которые суеились возле своих покореженных машин и, конечно, слышали каждое слово родителей Ани.

– А все и так знают, каково нам с нашей доченькой жилось! Весь дом в курсе ее похождений. Пробы на ней негде было ставить! Уж в тюрьму бы ее хоть посадили за тунеядство! Так нет же, отменили такую статью! Чем они думали там, интересно мне знать? Теперь кто хочешь может не работать!

Арсений пожал плечами:

– Насчет законодательных инициатив – это не ко мне. Давайте лучше разбираться с вашим заявлением. Значит, вы утверждаете, что вас обокрали?

Эта фраза мгновенно вернула боевой настрой родителям Ани.

– Так и есть! Обокрали!

– Все ценные вещи из дома вынесли. Что похуже оставили, что получше забрали. Фарфор старинный, от бабушек достался, шелковые скатерти с вышивкой, дед из Германии привез,

кружевные занавески – еще прабабка их у известной кружевницы заказывала, ручная работа, ценности нынче немыслимой.

– Что-нибудь еще?

– Сколько угодно! – воскликнули родители в один голос и стали с упоением перечислять: – Бронза! Серебро! Хрусталь! Да не советский и не чешский, а еще с дореволюционных времен. Картины! Книги! Снова обращаю внимание, что не современные книжонки, которые никому и даром не нужны, а старинные солидные фолианты в кожаных переплетах. Прижизненное издание Льва Толстого, первый том с его личным автографом.

– Ого!

В голосе участкового послышалось уважение. Да и сама Серафима прибалдела от перечня богатств, которыми обладали эти двое. Он в трусах-семейках, она в костюме с рынка. А дома антиквариата – как в музее. Какие-то подпольные миллионеры! А так ведь посмотришь на них и не скажешь, что у этих двоих найдется чем заплатить за булку хлеба в магазине.

– Кроме того, пропала коллекция марок.

– Как? – ахнула тетка, схватившись за левую грудь. – И коллекция тоже?

– Да, Лушенька, и коллекция тоже, – мрачно ответил ее муж.

– Что за коллекция? – поинтересовался участковый. – Ценная?

– Еще бы не ценная! Мы ничего пустяшного в доме не держали! – высокомерно ответила ему женщина. – Анна одна лишь никчемная. А коллекцию эту уже пять поколений в моей семье собирали. И три поколения в семье у мужа.

– Я что-то тут не понял. Три или пять?

– Изначально было две коллекции – одна моя, вторая у моего мужа, у Гоши. Но вскоре после того, как мы с ним поженились, то объединили эти две коллекции в одну.

– Теперь понятно, – кивнул Арсений. – А вот у моего отца тоже было несколько альбомов с марками. Но когда мама попыталась оценить их, то оказалось, что большинство марок не имеет ровным счетом никакой ценности.

– У нас все иначе! – высокомерно произнесла Лукерья и подтянула слегка сползшие с ее полных бедер брюки. – У нас коллекция стоит не один миллион!

– Не один? А сколько?

– На данный момент только ее стоимость приближается к трем миллионам.

– Ничего себе! Неплохая такая коллекция. И говорите, еще много ценных вещей пропала?

Участковый проявлял к этому делу все больший и больший интерес. И Фима его понимала. Одно дело – искать загулявшую девицу, и совсем другое, искать девицу, умыкнувшую у своих приемных родителей кругленькую сумму ценностей.

– Позвольте, – спохватился Арсений, – а почему вы считаете, что именно ваша дочь причастна к краже из вашей квартиры?

– Так я же рассказывала, когда вы меня перебили. Когда замок в двери щелкнул, то нам это показалось странным. Кинулись к двери, стали стучать и кричать Анне, чтобы открыла.

– Сначала-то мы думали, что дверь сама как-то захлопнулась, хотя и не вполне понимали, как такое могло приключиться. А потом дошло до нас: дверь на ключ закрывается, сама захлопнуться не могла. Не иначе как снаружи нас кто-то запер. А кто это мог быть, если в квартире, кроме нас и Ани, никого не было?

– Она это! Ясное дело, нас заперла, а сама со своими сообщниками ящики вниз и перетаскала!

– Мы хоть и заперты были, а мужские голоса слышали.

– Сообщники нашей дочурки в квартире орудовали!

– Когда мы из комнаты выскочили, то сразу поняли, что нас обокрал человек, хорошо разбирающийся в том, что имело ценность в наших коробках, а что нет! Только Анька знала, в

каких ящиках упаковано то, что стоило особенно дорого, а в каких ящиках у нас были сложены вещи попроще. Те, что попроще, остались стоять. А те, что были более ценными, и особенно те, которые было легко унести, те исчезли!

Фиме почему-то вспомнился многострадальный ковер, дважды побывавшей в уличных лужах, и она спросила:

– Скажите, а пропавший у вас ковер тоже был какой-то особенный?

Ей показалось, что этот вопрос смутил родителей Анны, они даже переглянулись между собой.

Но потом Лукерья все же ответила:

– Обычный ковер. В магазине мы его купили во время путешествия в Иран.

– Но он дорого стоил?

– Ручная работа. Шерсть. Несколько тысяч долларов за него отдали.

– Но по сравнению с остальными вещами он стоил не так уж дорого? И нести его было тяжело.

– Да, весил он немало, – признался владелец ковра. – Я в свое время, пока его на себе к нам наверх допер, с меня семь потов сошло. На каждой ступеньке отдыхал. От лавки до гостиницы мне его посыльные из магазина доставили. Из гостиницы в аэропорт кто-то из рабочих помогал загрузить и выгрузить. До такси мы его на тележке докатили. С тележки в багажник таксист загрузил. А вот наверх по лестнице мне его самому тащить пришлось. Не думал я, что он такой тяжелый.

– Как же вы его один доперли? Он же огромный.

– Так он свернут был в восемь раз. Тючок совсем небольшой был, но тяжелый, зараза.

– Тючок? Разве ковер не в рулон был свернут?

– Ковер ручной работы именно тем и отличается от изделия машинного производства, что его можно свернуть хоть в рулон, хоть в тючок. Ковер машинного производства только в рулон.

– А когда вы приготовили ковер к переезду, вы его свернули как?

– Разумеется, сложили в тючок.

Но тот ковер, который запихнули в машину воры, был свернут в рулон. И он был толстый. Только сейчас Фима поняла, что ее насторожило в том ковре. Он был каким-то слишком толстым посередине и несуразно узким спереди и сзади.

– Такое впечатление, что в ковер было что-то завернуто, – задумчиво пробормотала Фима. – Что-то или... кто-то!

– О чем ты говоришь?

– Может быть, ваша дочь и не помогала вору красть ваше имущество. Может быть, она случайно открыла им дверь, а они ворвались в квартиру, вас заперли, а ее они похитили вместе с вашими ценностями! Завернули в ковер и вынесли из квартиры. Вам требование о выкупе еще не поступало?

Отец семейства побагровел так, что сравнялся по цвету с костюмом своей супруги. Он часто-часто задышал, хватаясь то за горло, то за грудь, словно рвущиеся изнутри слова застряли где-то посередине пути наружу, и теперь мужчине отчаянно не хватало воздуха.

– Да чтоб я... – прохрипел он. – За Аньку кому-нибудь хоть копейку отдал! Не дождетесь! Вот вам!

И он скрутил из пальцев тугую фигу, которую и сунул под нос почему-то именно Фиме. Но она не обиделась. Видимо, накопело у мужика. Достала его доченька и ее выкрутасы.

Участковый повернулся к Фиме, и сердце у девушки невольно замерло. Нет, ну до чего же он был хорош! Кудри от влажной погоды еще сильнее завились и лежали тугими блестящими кольцами, а глаза синие-синие и смотрят на Фиму так внимательно, словно хотят проникнуть в самую ее душу.

«И как это участковому позволяют носить такую совсем неуставную стрижку?» – промелькнула у Фимы мысль, но тут же она забыла обо всем на свете, потому что Арсений заговорил с ней:

– Получается, что у нас есть единственный свидетель случившегося похищения, и этот свидетель – вы, девушка! Как вас зовут?

Фима слегка смутилась, но представилась. Ей было немного досадно, что участковый поинтересовался ее именем лишь после того, как понял, что она необходима для его будущего расследования. Но все же главная цель этого вечера была ею достигнута, теперь они с участковым Арсением были знакомы друг с другом. И ради этого было не жаль промочить ноги в огромных лужах и промокнуть до нитки самой.

– Будем искать вашу дочь!

Но родители Аньки радости по этому поводу не выказали. Отец сказал, что ему нужен ковер, а на его содержимое плевать. А мать девушки сказала, что ее куда больше интересует возврат ценностей, а ее дочь может забрать себе любой желающий, они с мужем будут этому только рады.

Арсений нахмурился:

– Граждане родители, проявите сознательность. Ваша дочь похищена, в этом не может быть никаких сомнений. Совершено тяжкое уголовное преступление, мы просто обязаны принять меры к его скорейшему раскрытию.

– А антиквариат?

– Похищенные вместе с вашей дочерью ценности мы также будем искать, но главное в этом преступлении – это судьба человека.

– Да был бы человек, а то так... дрянь!

– Это неважно. И я вас прошу в таком тоне о своей дочери не отзываться. Возможно, ее жизни угрожает опасность. Потом вам самим будет стыдно, что вы так про нее говорили. Пройдемте в отделение, напишете заявление. И вы... Серафима, тоже пойдете. Ваши показания необходимо зафиксировать.

В отделении их встретил дежурный. Сначала он с недоумением смотрел на всю их разношерстную компанию, тетка в халате и с бигуди оказалась ближайшей подругой Лукерьи и тоже сказала, что пойдет с ними, тем более что и она видела машину и тех двух мужчин. Вот только самого момента с погрузкой ковра она не видела, так что это давало Фиме некоторое преимущество перед второй свидетельницей.

Так что компания из четырех человек вызвала у дежурного сперва улыбку. Но когда он разглядел за спинами посетителей участкового, то мигом воскликнул:

– Сенька! Снова ты нам работу притащил! Что ни день, то у тебя новое преступление. Совсем ты ребятам расслабиться не даешь. Ну? И что у тебя на этот раз? Болонка пропала или с балкона зимнюю резину украли?

– Сегодня настоящее дело! – с гордостью сообщил Арсений. – Похищена девушка. А на украденные вместе с ней ценности можно купить всю резину в городе. Хоть новую, хоть бывшую в употреблении. Я правильно излагаю?

Этот вопрос относился к Георгию, который кивнул в ответ. Вообще, родители Ани как-то странно притихли. То и дело они поглядывали то друг на друга, то на Фиму. Кажется, им совсем не нравилось ее присутствие тут. Но Фиме было на них наплевать. Она присутствовала в отделении ради установления истины и еще немножко ради прекрасного Арсения.

В общем, в отделении Фима задержалась допоздна. Ей несколько раз звонил Павлик, который интересовался, куда запропастилась его сестра. Делал он это не по собственному почину, а побуждаемый тетушкой. Потом трубку взяла сама тетушка Римма, которая выразила серьезную озабоченность по поводу исчезновения Фимы из их квартиры.

– Пусть гроза уже закончилась, когда ты ушла, но эти шаровые молнии такие коварные штуки!

Пришлось объяснить тетушке, что Фима стала невольной свидетельницей преступления и теперь дает важные свидетельские показания, без которых преступников ни за что не поймают.

Узнав, что шаровые молнии тут совершенно ни при чем, тетушка моментально успокоилась и велела Фиме проявить свой гражданский долг в полной мере. Тетушка была человеком ответственным, но Фима ей не сказала, что и без ее показаний преступники будут изобличены. Соседка в бигуди, оказывается, разглядела их лица и дала описание, по которому этих двоих мигом опознали родители Аньки.

– Да это же Миша с Сережей!

Как и подозревали обворованные супруги, эти двое ее похитителей были никакими не похитителями, а давними друзьями их дочери.

– С обоими она спала. Сперва с Мишей, потом с Сережей, потом мы как-то застали их всех втроем. Был с ними в компании еще один – Дима, даже странно, что его они не подтянули, когда отправлялись нас грабить.

– Да с ними он был, конечно! Эти же трое друг без друга никуда! Гардемарины несчастные!

Картина преступления вырисовывалась следующая. Заперев своих родителей в их комнате, Анька впустила в квартиру приятелей и велела им таскать заранее упакованные ящики и тюки вниз к стоящей там машине. При этом Анька давала указания, какие именно вещи брать. И напоследок сама спряталась в ковер и велела сообщникам нести ее в таком виде вниз.

– Но зачем ей это понадобилось? Своими ногами спуститься не могла?

– Наверное, хотела, чтобы все подумали, будто бы она жертва, а не соучастница.

– А может, она и впрямь жертва? Может, она и не ожидала, что ее приятели начнут выносить вещи из вашего дома. Может, она им даже пыталась помешать, за что они ее в ковер и упаковали?

– Ну конечно! А то мы свою доченьку не знаем. И потом, вина ее очевидна! В квартиру она воров впустила? Впустила! Какие именно вещи брать указала? Указала! Машину свою для похищения нашей коллекции антиквариата использовала? Использовала! И в ковер она тоже сама спряталась, я уверен, никто ее в него не запихивал!

Но все же участковый считал, что крошечную долю вероятности того, что Анну все же именно похитили, со счетов сбрасывать нельзя.

– Считайте, как вам нравится. А нам наше украденное верните!

Стали выяснять, что родителям Аньки известно про этих ее кавалеров.

– Живут они в нашем районе. То ли в семнадцатом доме, то ли в пятнадцатом. У Димы фамилия Каблуков, а кличка Каблук.

– Как-как? – вмешался в разговор дежурный, который тоже присутствовал при допросе и с интересом слушал показания свидетелей. – Каблук?

Родители подтвердили.

– Так мы же его хорошо знаем! Это тот самый Каблуков, который в прошлом году ограбил овощную палатку. Если мне не изменяет память, у него еще условка не закончилась. А дружок у него Сергей Зябликов, по кличке Птаха, и еще один с ними шатается – Михаил Зайцев.

– По кличке Заяц! – вырвалось у Фимы.

– Нет, – покачал головой дежурный, – с чего ты это взяла? Кличка у него Парашют.

– Почему?

– С парашютом как-то спрыгнул.

– Из самолета?

– Зачем из самолета? С балкона. А точнее, из окна квартиры, в которую они забрались. Хозяева раньше времени вернулись, куда им деваться. Они на балкон, а там белье у хозяйки сушилось. Взяли они пододеяльник, он за два угла, и его приятель за два угла, да и сиганули с балкона. А там, между прочим, девятый этаж был. Ну, приятель всмятку, а Зайцеву повезло, он на дерево угодил, которое под окном росло. Благодаря ему только жив и остался. Ободрался, конечно, весь, ногу сломал и еще два ребра, но выжил и прозвище свое получил.

Тут дежурного отвлек телефонный звонок. Образовавшейся паузы как раз и хватило Фиме на то, чтобы обдумать, до чего же своеобразный круг общения был у исчезнувшей Аньки. Если к ней в гости регулярно наведывались такие кадры, то не было ничего удивительного, что родители отгородились железной дверью от дочери и ее гостей.

Удивляло другое: зачем эти двое продолжали жить в одной квартире с дочуркой и терпеть присутствие ее друзей. Ну, допустим, запретить Аньке приводить к себе гостей они не могли или Анька их попросту не слушалась. Выгнать из дома они тоже не могли, Анька могла плевать на требования приемных родителей и продолжать жить на площади, на которой была прописана. Но родители могли разменять квартиру или даже купить себе отдельную, средства у них для этого были.

– Вы упаковали свои вещи в коробки и ящики, готовились к переезду. А если не секрет, то куда вы собирались переезжать?

– В Дивногорск.

Дежурный к этому времени закончил разговор, тоже услышал ответ Лукерьи и очень удивился:

– Это где же такой? Впервые слышу. Наверное, маленький совсем городок?

– Я знаю, – заявил Арсений. – Это город на Енисее. В Красноярском крае, я правильно говорю?

Но оказалось, что все не совсем так, даже совсем не так. Тот Дивногорск, который имелся на красивейшем берегу могучего Енисея, не имел никакого отношения к месту, куда планировали перебраться родители Аньки.

– Наш Дивногорск находится на юге нашей области. Очень престижное место, неужели не слышали? Спроектировано это поселение как город будущего. Там используется только зеленая энергетика – солнечные батареи, ветряки и еще какие-то суперсовременные технологии. Дома выстроены исключительно из экологически чистых материалов – глины, соломы, бамбука и, конечно, дерева. Ну а самое главное, что населяют этот город сплошь ученые, артисты и другие известные люди. Так что мы планировали хоть на старости лет пожить среди культурных людей.

– А сами-то вы как туда попали?

Вопрос дежурного супругам не понравился.

– Что вы имеете в виду? Или думаете, что мы такие же, как наша приемная дочь?

– Вовсе нет! Просто вы и не ученые, и не артисты. В анкете написано, что Георгий – токарь-станочник.

– Высшего разряда!

– А супруга ваша продавец.

– Старший продавец! В такой должности и на пенсию вышла.

– Я не сомневаюсь, что вы люди, честно заслужившие свои пенсии, но вы никакие не ученые.

– И что? Да, нам немного помогли. Нужно иметь полезные связи, тогда все в жизни будет решаться гораздо проще.

– Последние полгода мы только и ждали, когда будет готов наш дом и нам можно будет переезжать и заселяться.

– А свою квартиру вы оставляли дочери?

– Что делать? Пусть живет. Выписать мы ее не имеем права. Ни морального, ни по закону. Все-таки мы в ответе за нее. Разменивать квартиру она отказалась наотрез. Тогда мы сказали: свою комнату закроем, а в остальной квартире делай что хочешь. Мы к тебе больше не сунемся.

– И она согласилась?

– С радостью!

– С вами поехать не просилась?

– Да кто бы ее взял!

– Значит, просилась?

– Нет!

– Но теперь ваш переезд снова задерживается.

– Почему? – дружно удивились супруги.

– Понимаю, на дочь вам наплевать. Но вы же, наверное, захотите остаться в городе вплоть до обнаружения ваших похищенных ценностей?

Супруги, казалось, на мгновение заколебались. Но потом все же подтвердили, что останутся еще на несколько дней.

– Вы уж постарайтесь найти похищенные ценности. Наведайтесь к Каблуку с Птахой. И к этому Парашюту. Ребята они простые, вряд ли у них хватит ума, чтобы хорошо спрятать украденное.

Арсений пообещал, что сделает все от него зависящее. И что прямо сейчас, не дожидаясь утра, отправится для разговора с Каблуковым и Зябликовым.

Родители Аньки остались довольны таким рвением молодого участкового. И даже пообещали ему премию, если он справится со своим заданием и вернет им украденные ценности.

От премии Арсений вежливо отказался, что не слишком сильно огорчило родителей Ани, которые явно не очень любили расставаться с деньгами.

Родители Аньки вместе со своей соседкой в бигуди давно ушли. И только тут Арсений обнаружил, что кое-кто из свидетелей остался в отделе.

– Серафима? В чем дело? Почему ты тут?

– Я хочу составить вам... то есть тебе компанию.

– Зачем?

Фима замялась.

– Мне интересно, – призналась она. – Никогда не видела, как ведется живую расследование. Только по телевизору.

– Тогда ты будешь разочарована. Ничего общего с телевизором.

– Ну пожалуйста!

Арсений пожал плечами. Почему бы и нет? Девушка была миловидной. Она ему понравилась с первого взгляда. Этаким нежный беленький цветочек, вроде бы и неброский, но такой славный. Смотреть бы на него и смотреть.

– Вообще-то это против правил, но если тебе все равно заняться нечем...

Фима захлопала в ладоши.

– Как чудесно! А мы прямо сейчас пойдем?

– Тянуть не будем. Адреса всех троих у меня есть.

И новые друзья отправились в путь.

Глава 3

Дом, в котором обитали Каблуков с Зябликовым, находился неподалеку.

– Каблук живет в первом подъезде, Птаха – в третьем. В какой пойдем?

И тут Арсений замер, молчала и Фима. Лимонного цвета машину они увидели одновременно. Нарядный «Хавейл» стоял напротив второго подъезда.

– Та самая? – почему-то шепотом спросил Арсений.

Фима кивнула. Машина была приметной. Лично Фима была уверена, что у них на районе второй такой точно нет.

– А ковер? Он еще в ней?

Увы, ковра в салоне уже не наблюдалось. И что-то подсказывало Фиме, что и в багажнике тоже пусто. Но Арсения это не смутило:

– Отлично! Машина, на которой была совершена кража, стоит у дома воришек. И ровно-хонько посередине между их подъездами. Наверное, не могли договориться, кто будет владеть машиной, вот до утра и оставили ее посередке, мол, ни нашим, ни вашим.

– Машина принадлежит Анне, – задумчиво произнесла Фима. – Родители сказали, что это подарок ее отца. Не кажется тебе странным, что родители сделали Анне такой дорогой подарок? Отношения у них так себе.

– Это ты еще мягко выразилась. Да они ненавидят свою дочурку лютой ненавистью.

– И вдруг такой подарок! Почему?

– Возможно, машину ей подарили уже давно, а отношения резко испортились именно в последнее время.

– Во-первых, их вражда тянется еще с того времени, когда дочь была подростком. А сейчас ей?

– Двадцать пять.

– Больше десяти лет!

– Наверное, у них бывали периоды затишья, когда родители и дочь примирились друг с другом. Вот в один из таких периодов и был сделан подарок – машина. Родители думали, что хоть такой подарок образумит их дочь.

– Такой цвет кузова эта фирма выпустила лишь в этом году. На рынке России машины появились где-то в конце зимы.

– Получается, что подарок был сделано совсем недавно?

– Получается, что так.

Арсений еще немного подумал.

– Родители решили сделать дочери прощальный подарок. Они ведь уезжают в этот их Дивногорск. Назад возвращаться не собираются. Все свои вещи и все, что им дорого, забирают с собой. Ну а непутевой дочери решили напоследок сделать приятное, чтобы она их вспомнила добрым словом.

– Мне так кажется, что доброе слово дочери – это последнее, что волнует ее родителей.

Арсений почесал затылок.

– Честно говоря, у меня тоже сложилось впечатление, что отношения в семье разрушены напроць. Но чего там гадать, сейчас пойдем и спросим у самой Анны!

– Думаешь, она тут?

– Если машина ее тут, то и она тут. Осталась праздновать удачное похищение у кого-нибудь из своих приятелей.

– Но у кого именно?

Какое-то время молодые люди переводили взгляд с первого подъезда на третий.

– Кинем жребий? – предложила Фима. – У тебя монетка есть?

Арсений обшарил все карманы, но монеток не заваялось. Вот до чего доводит человека наступление эры цифровой цивилизации. Уже и монетки, чтобы кинуть орел – решка, обыщешься. Надо, а не найдешь!

– Ну что же ты? Нету?

– И у тебя тоже нету?

– Я же из дома вообще на минуточку выскочила. Разумеется, у меня нету.

– Тогда будем палочки тянуть. Короткая – первый, длинная – третий.

Нашли палочки, стали тянуть, но Фима все равно была недовольна. Прямо каменный век какой-то, палочки они тянут. Если так дело и дальше пойдет, то они скоро палочками и огонь разводить будут. Накроется главный компьютер, и привет тебе, цивилизация! Да здравствует путешествие всего человечества назад в прошлое!

– Ты вытянула короткую, – отвлек ее от лишних мыслей голос Арсения. – Идем в гости к Каблуку!

Часы показывали половину второго ночи, Фима сильно сомневалась, что им откроют.

Но им открыла старенькая бабушка, которая явно узнала участкового, и которая произнесла всего два слова:

– Он дома!

И ушла к себе, шаркая тапочками.

– Он один? – спросил ей в спину участковый.

– Станет Димка один спать. Бабу притащил!

– С ковром?

– Если бы с ковром, – скептически хмыкнула старушка. – Как бы не с триппером.

И захлопнула дверь в свою комнату, показывая, что к сказанному прибавить нечего.

– Ну, пошли.

Фиме стало немного боязно. Ночь. Они в чужой квартире. Хозяева явно давно спят.

Фима совсем оробела. Не лучше ли прийти утром? Но Арсений, казалось, сомнений не ведал и к тому же знал, куда идти.

Он толкнул соседнюю дверь, и они оказались в самой неприбранной комнате, какую Фиме только доводилось видеть. Вернее, ничего похожего ей раньше видеть просто не доводилось. Конечно, ее братец тоже не был образчиком аккуратности и чистоплотности, носки у него находились то тут, то там, а грязные футболки обладали способностью забираться в самые неожиданные норки, откуда их потом приходилось извлекать всем семейством, но все же до такого Павлик свое жилье не доводил.

Фима озиралась по сторонам с каким-то священным трепетом. Потому что и сама Фима, чего уж там греха таить, частенько позволяла себе перекусить не на кухне, а у себя в кровати, отчего ее спальное место оказывалось равномерно покрытым и конфетными фантиками, и апельсиновыми шкурками, и крошками. Как же без крошек-то! Но то, что творилось в этой комнате, – это было немыслимо.

Вокруг них был какой-то первозданный хаос. Вселенная в момент ее зарождения и то, наверное, выглядела опрятней. Какие-то куски и огрызки валялись по всему полу, перемежаясь грязной уличной обувью, использованными женскими предметами гигиены, пустыми бутылками, пачками от сигарет и окурками. Все пространство было засыпано табачным пеплом, который намертво въелся в эти стены и расставаться с ними не хотел ни за что на свете. Мебель была побитая, поломанная, дверцы висели криво, держась на одной петле, или вовсе отсутствовали, позволяя лицезреть содержимое шкафов, тоже, надо сказать, далекое от идеала.

И в довершение ко всему прочему, так сказать, маленький довершающий штришок: с потолочной люстры, у которой целым сохранился лишь один плафон, остальные присутствовали лишь фрагментарно, свисали длинные макароны, которые висели там уже так давно, что успели не только заплесневеть, но и покрыться пылью и паутиной.

– Боже мой! – только и смогла прошептать Фима.

А посредине всего этого «великолепия» стоял выдавший виды диван, на котором счастливо дрыхли двое. Сравнительно молодой и где-то даже симпатичный мужчина и девушка с бледной кожей, которая на сгибах почему-то отливала зеленцой. Лица ее разглядеть было невозможно, а вот волосы у нее были тонкие, спутанные и явно давно не видели ни горячей воды, ни мыла, не говоря уж о шампуне, кондиционере или прочих глупостях в виде масок и бальзамов.

Нет, бальзамы тут употреблялись исключительно внутрь и исключительно с градусом. Спящая парочка неплохо отпраздновала вчерашний вечер, на колченогой табуретке, которая должна была изображать тумбочку, стояла пустая бутылка от водки и нехитрая закуска – криво порезанная селедка и здорово помятые жизнью соленые огурцы с чесноком. И то и другое благоухало, наполняя комнату таким спертым воздухом, что Фима в первый момент раскашлялась.

Это не произвело на спящих никакого эффекта, они даже не пошевелились. Живы ли они? И лишь после того, как Арсений решительно прошагал к окну и распахнул его нараспашку, эти двое зашевелились.

Свежий воздух вызывал у них исключительно отрицательные эмоции. Они застонали, заворочались, потом начали тянуть одеяло каждый на себя и наконец открыли глаза.

Какое-то время они оба таращились на Арсения с Фимой. Те тоже смотрели на этих двоих. Смотрели и понимали, что поторопились радоваться, девушка была совсем не похожа на пропавшую Анну, фотографию которой родители неоднократно демонстрировали полиции.

Но именно девушка первой пришла в себя и спросила у приятеля:

– Димон, ты их тоже видишь? Или это у меня глюки?

Каблуков нахмурился, натянул на себя одеяло, оставив девушку практически обнаженной, и спросил:

– Вы кто такие?

– Ты знаешь, кто я такой.

– Тебя я знаю. А девчонка тут зачем?

– Она свидетельница.

– Свидетельница чего?

– Совершенного тобой сегодня вечером преступления.

Каблуков пожал плечами:

– Ничего не понимаю. Вечером я дома был.

– А во время бури?

– Тем более!

– Когда гром гремел и молнии сверкали, ты тоже дома сидел?

– Ну да!

– Кто подтвердить может? Может быть, Птаха?

– Вот она может подтвердить, – буркнул Каблуков, кивнув с сторону девушки. – Мы с ней водки взяли, закуски порезали да и отметили годовщину нашего знакомства.

Девушка стыдливо хмыкнула.

– Это сколько же вы знакомы?

– Три дня!

– Это действительно стоит отметить. Так долго ты раньше ни с одной бабой не задерживался, да, Каблук?

– Старею, начальник, – притворно вздохнул Каблуков.

– Кто еще может подтвердить, что ты был дома? Может быть, Парашют? Или все-таки Птаха?

– Чего ты к ребятам прицепился? Не было их у меня.

- А где же они были? Может быть, у Аньки?
- Какой?
- Вот у этой!

Каблуков взглянул на фотографию. Его подружка тоже посмотрела. Потом она что-то прошипела, отодвинулась на кровати и зло взглянула на приятеля.

- Снова ты к ней таскаешься?
- Заткнись, дура! Не был я у нее! Как с тобой познакомился, так и не ходил. А до этого мы с ней поцапались.
- Из-за чего?
- Она уехать хотела. Одна. Без меня. Ну, я ей на это и сказал свое мнение.
- А она?
- Ржать начала. Зачем, говорит, ты мне в новой и счастливой жизни нужен, Каблук ты ломаный. У меня там такие кавалеры будут, что не чета тебе.
- Это куда же она собиралась?
- Хрен ее знает. Про дивный город какой-то упоминала.
- Может быть, Дивногорск?
- Может, и Дивногорск. Мне не по барабану? Все равно она туда без меня намылилась.
- В Дивногорск должны были уехать ее родители, Анна оставалась тут.
- Чтобы ее родаки ей бы хату оставили? – снова заржал Дима. – Да ни в жизнь такого бы не случилось! Ее отец с матерью спали и видели, как бы им Аньку выжить, а хату сдать! Они даже мне ее сватали, только зачем мне жена, которая каждому встречному и поперечному дать готова? Рогатым ходить я не согласен. Может, Анька из себя и хороша, только по мне лучше, пусть баба будет страшная, вот вроде нее, но зато верная.

Девушка, к которой относился этот сомнительный комплимент, похлопала глазами. Была она и впрямь страшенькая, но исключительно по причине личной неухоженности. Если ее помыть, причесать, умело накрасить, то получилась бы конфетка не хуже иной модели. Но для этого девушка должна была сама поверить в себя, поверить в то, что ей под силу быть красивой. А иначе она обречена терпеть рядом с собой типов вроде Каблукова или еще кого похуже.

Между тем Арсений начал закипать:

– Что ты мне тут чешешь? Аньку он не видел! Откуда машина тогда ее под твоими окнами взялась?

Каблуков подошел к окну, выглянул и долго смотрел, словно не веря. Он даже глаза протер. Но машина никуда не делась.

И он был вынужден признать:

- Да, машина ее. Но еще вечером ее тут не было!
- Значит, ночью машина появилась? – вкрадчиво поинтересовался у него участковый.
- Ночью.
- А поставил ее кто? Ты? Или Птаха с Парашютом?
- Не знаю, кто ставил. Вообще-то Анька за руль своей «лимонки» абы кого сажать бы не стала. Она и меня-то за руль не пускала, сама рулить любит.
- Что она носит как угорелая, я знаю. Количество неоплаченных штрафов только за этот год равняется ста двадцати трем. Но при чем тут это? Машина у тебя под окнами откуда взялась?
- Не знаю я! Мы с Викой выпили, а потом задрыхли. Как машина Аньки у меня под окнами нарисовалась, я не в курсе.
- Собирайся, отправляешься в отделение.
- За что?
- За отказ сотрудничать со следствием.
- Да что случилось-то?

– Этой ночью ты с друзьями, вступив в сговор с Анной Крючковой, обчистили квартиру ее родителей. Вынесли множество ценных вещей, включая антиквариат, букинистическое собрание и коллекцию филателии.

– Чего-чего? – выпучил глаза Каблуков. – Я столько умных слов за один раз и не слышал никогда. Ну, антиквариат – это понятно, старье всякое, мебель там, пуфики. Хотя бывал я у Аньки дома, не замечал я там что-то антиквариата вашего.

– Он в комнате у ее родителей спрятан был.

– Ага, понятно. Вполне в их духе. А что такое букани...

– Букинистическое собрание – это книги.

– Тоже старинные?

– Да. А филателия – это марки.

– Почему по-русски было не сказать? К чему эти буки... филате... Язык сломаешь. Дорогие хоть?

– Марки? Очень. И все прочее тоже.

– Так вы что думаете, эти все вещи мы с Птахой и Парашютом у родителей Аньки подрезали? – осенило Каблукова.

– И сама Анна вам в этом тоже помогала.

Какое-то время Каблуков стоял молча, о чем-то сосредоточенно размышляя.

– Что Анька могла обчистить своих родителей, я вполне допускаю, – сказал он затем. – И почему ей в голову пришло именно меня подставить, тоже понимаю. Мы с ней в контрах расстались, столько друг другу напоследок наговорили, что не удивлен ее подставой. Но как ей удалось родителей уговорить, чтобы те на меня показали, этого я в толк не возьму. Тут какая-то загадка.

– Значит, чистосердечного не получится, – вздохнул Арсений. – Ну, что же, в принципе, я на это и не рассчитывал. Вставай, пошли за твоими друзьями. Может, они окажутся сговорчивей.

– Вам надо, сами к ним и идите, а мне это зачем?

– Как хочешь.

Арсений с Фимой сопровождали Каблукова до отделения. Тощенькая девчонка, которую звали Викой, тоже вызвалась пойти с ними. Ни наручников, ни машины с мигалками, внешне это выглядело, как если бы компания решила немножко прогуляться, пользуясь той ночной свежестью, которая наступила в городе после недавней грозы.

Дышалось легко, но наслаждалась прогулкой одна Фима. Остальные были озабочены, и больше всех переживала Вика.

Она выбрала себе в наперсницы Фиму и теперь горячо шептала ей на ухо:

– Дима правда весь вечер со мной был. Он никуда не отлучался. Его мама подтвердить тоже сможет. Дима – он добрый, если бы у него после удачного дела деньги были, он бы меня хорошо угостил. А вы с участковым сами видели, какое угощение он выставил. Водка и селедка с огурцами, да и те пришлось у его мамы просить, у Димы еле денег на водку хватило.

– Просто они с друзьями украденное из квартиры Крючковых еще не успели реализовать. Припрятали до утра в каком-нибудь укромном местечке, поэтому у твоего кавалера денег и не было.

– Да что ему, открытия скупок, что ли, ждать нужно? – отмахнулась девчонка. – У ребят телефоны своих скупщиков имеются. Те в любое время дня и ночи готовы товар у ребят взять. Зачем что-то им прятать? Куда проще, легче и безопасней сразу же товар скинуть и дальше отдыхать красиво. Они всегда так делают. Взял товар, обменял на деньги и залег на дно, пока шум не утихнет. Там на большую сумму украдено?

– Очень. На много миллионов.

– Тогда и подавно! Дима уже давно должен был из города ноги сделать. Зачем он дома остался? Ждать, пока за ним придут? Глупо это. Значит, что? Значит, не участвовал Димка в этой краже.

– Их видели! По крайней мере, Сергея и Мишу точно видели.

– Может быть, Птаха с Парашютом и были на квартире, которую обнесли, а Дима сегодня не при делах.

И хотя слова Вики казались вполне разумными, участковый все равно определил задержанного Каблукова в КПЗ. И лишь затем, прихватив пару помощников, отправился в гости к Птахе и Парашюту. Но если Каблукова удалось задержать легко и просто, то Птахи попросту не оказалось дома. А у Парашюта вообще никто не отозвался.

Правда, после того как полиция пошумела на лестничной площадке, из соседней квартиры выглянула молодая женщина.

– Вы за Мишкой? – с надеждой спросила она. – Арестуете его?

– А вам бы хотелось?

– Сил нету, как хотелось бы, – не стала кривить душой женщина. – Заколебал он нас! Каждую ночь у него пьянки-гулянки, шум, вонь, музыка орет, девицы визжат, парни гогочут. А у меня дети маленькие! Мне их не уложить при таком шуме! И потом, грязь от них! Мусор они свой не убирают. Прямо из окна выбрасывают. И банки, и коробки, и использованные, пардон, презервативы! На траву! Это же противно! У меня под окнами газончик и клумбочки, и вдруг на моих ромашках изделие номер два вырастает. Красиво, по-вашему?

– Отвратительно. А сегодня вечером тоже шумно было?

– Нет, сегодня нет. Сдается мне, что их и не было никого. На дело отправились.

– Откуда знаете, что на дело?

– Так я же говорю, стены у нас картонные. Мне каждый звук из Мишкиной квартиры слышен. Сегодня около десяти часов к нему этот Птаха пришел. Я уже напряглась, думаю, сейчас девки табуном набегут, опять шум-гам и пьяная катавасия до утра. Смотрю, нет, тихо у них. Мне интересно стало. Чего это, думаю, все шумели-шумели, а тут тихо сидят, словно мыши. Задумали чего недоброе? От них ведь ничего хорошего ждать не приходится. Интересно мне стало, прислушалась я. Стою и слышу, как Мишка своему приятелю говорит, что хоть на улице и непогода, а у них все по плану остается. А этот Птаха и говорит таким недовольным голосом: «Что же мы, вещи под дождем в машину таскать должны? Подождать нельзя?» А Мишка ему и отвечает: «Лучше один раз промокнуть, чем год на базе пахать».

– На базе?

– Они на овощебазе подрабатывают грузчиками. Их там без оформления берут, не смотрят, что там у них в прошлом.

– Понятно. Значит, они за одну ночь надеялись получить как за год работы грузчиком?

Соседка кивнула и прибавила:

– А потом они собрались и ушли.

– До дождя или после?

– Во время грозы. Как в первый раз молния ударила, так я к окну подбежала и увидела, что Миша с этим его приятелем – Птахой выходят из подъезда и садятся в машину.

– Какую?

– Ну марку или модель я не признаю, а цвет приметный. Лимонно-желтая была машина. На высоких колесах и с большим багажником сзади.

– Машина их уже ждала?

– Они вышли, и она подъехала.

– Значит, за рулем кто-то был?

– Кто-то был.

– А кто?

– Я не разглядела.

– Ну хотя бы мужчина или женщина? Или девушка? Молодая? Красивая?

Но соседка сказала, что было темно, да еще молния снова ударила, и она стала смотреть на небо, а не на то, что происходит у нее под ногами. В общем, как свидетельница она поступила безответственно, но как человек – вполне ожидаемо.

– А потом ваш сосед появлялся?

– Я не слышала.

– И где он может быть, тоже не представляете?

– Наверное, у Птахи этого своего.

– Там его нет.

– Тогда я не знаю. Вы – полиция, вы и ищите.

И закрыла дверь с очень разочарованным лицом. Не оправдала полиция ее надежд. Надо было срочно исправляться.

– Та-а-ак, – произнес Арсений тоном, который не предвещал ничего хорошего подозреваемым. – Нужно объявлять Парашюта с Птахой в розыск. По всей видимости, это они подняли антиквариат из квартиры родителей Анны. Добро забрали, а сами на дно залегли. Их излюбленная тактика.

– А подставить они решили Каблукова. Уверена, что это Анна из мстительных побуждений настояла на этом. Хотела, чтобы ее бывший любовник под удар попал. Расстались-то они не очень хорошо.

– Может, Каблуков нам и скажет, где его бывшие дружки-товарищи могут занываться вместе с украденным добром? Скажем ему, что Птаха с Парашютом всем говорили, что это Каблук ночью на дело идет.

Но у Каблукова, оказывается, было свое понятие о чести. Он хоть и сидел уже в камере, и выслушал предположения полиции о том, что виновные в краже Птаха и Парашют решили подставить его, Каблукова, но ответных мер принимать не спешил.

– Это их дело, что они там против меня намутили. А я не такой. Я не крыса, чтобы своих сдавать.

– Да какие же они тебе свои, если они тебя фактически на скамью подсудимых сажают? А ты ни сном ни духом, а отвечать по статье за них будешь. Оно тебе надо?

– Все равно, – упрямо сказал Каблуков. – Я их не сдам. Пусть так и знают, что сел я по их вине, а их не сдал. Когда выйду, я с ними по-своему разберусь.

Обещание это прозвучало очень торжественно и пугающе, но, увы, оно ровным счетом ни на шаг не приближало сыщиков к расследованию этого вроде бы пустяшного дела. Рассчитывать на помощь благородного уголовника Каблукова им не приходилось, нужно было срочно придумывать что-то другое.

Глава 4

Домой Серафима вернулась лишь под утро. Дверь ей открыла тетушка Римма. Любимый братец преспокойно храпел в своей комнате, тревожиться о сестре ему и в голову не приходило. А вот на тетушке лица не было.

– Деточка! – чуть не расплакалась она, увидев Фиму. – Я так за тебя боялась! Спать не могла!

– Да что вы так переживаете. Я уже не ребенок.

– То-то что не ребенок. А шаровые молнии по улице так и шныряют! Я из-за них столько таблеток наглоталась, что теперь живот болит! В туалет побегу, проверю, все ли там в порядке, а ты спать ложись!

Но заснуть Серафима не могла. И поэтому, дождавшись, когда тетушка переместится в свою комнату, направилась на кухню и включила там чайник. Хотелось привести свои мысли в порядок, а что для этого может быть лучше, чем чашечка хорошего крепкого чая?

Серафима заварила себе пуэр и задумалась. Над дымящейся чашкой поднимался приятный аромат, а мысли девушки витали где-то в облаках. Нужно было думать о расследовании, а ей думалось о бездонных синих очах Арсения.

Наверное, Серафима так ничего бы толком и не придумала, но тут в дверь раздался звонок.

– Кто бы это мог быть?

Почему-то подумалось: а вдруг участковый пожаловал? Вот было бы славно! И ведь как почувствовала, заварила пуэра с избытком, чтобы и на вторую чашку хватило.

В прихожей Фима немножко задержалась перед зеркалом, слегка тронула губы блеском, поправила прядь волос. Но все оказалось зря, это был вовсе не прекрасный Арсений, это была Вика.

– Как ты меня нашла? – изумилась Серафима, разглядывая незваную гостью.

Девушка показалась ей еще более худой и бледной, чем при прежней их встрече. Под глазами у нее нарисовались огромные круги. Она стояла, прислонившись к дверному косяку, и умоляюще глядела на Фиму.

– Заходи! У меня есть чай с бутербродами! – неожиданно для самой себя пригласила ее Серафима.

Вика не стала кочевряжиться. Миготом отлипла от косяка и потопала на кухню. Там она с благодарностью приняла чашку, полную до краев почти черного напитка, и выдохнула:

– Какой славный чифирь!

– Это пуэр.

– Что?

– Такой специальный сорт чая из Китая.

– А! – одобрила Вика. – Китайский чай – это хорошо.

Она отпила глоток и закатила глаза.

– Наслаждение! Где такой можно купить?

– Ты зачем пришла? Чаю попить?

– И ты еще что-то про бутерброды говорила, – напомнила ей Вика.

Пришлось сделать два с сыром, два с колбасой. Мгновение, и от бутербродов не осталось и крошки. Серафима даже не успела понять, как это случилось. На всякий случай сделала еще парочку, но и их постигла та же судьба. Не привыкшая так легко сдаваться Фима сделала еще два бутера и на этот раз с удовольствием отметила, что исчезли они не так быстро. Зато и Вика стала не такой бледной, у нее на щеках появилось даже что-то похожее на румянец. И благодаря ему пугающие круги под глазами сделались не так заметны.

– Я вот что к тебе пришла, – сказала она, смахивая последние крошки прямо на пол. – Димка, он нипочем Птаху с Парашютом не сдаст. Ему это запаadlo. А вот я могу! Мне это запросто! Мне эти двое никто и звать их никак. Только я не хочу, чтобы Димка узнал, что это я их сдала, а то еще поколотит, с него станется. Смотри, как он меня на нашем первом свидании схватил, когда я что-то не то ляпнула, до сих пор следы остались.

Оказывается, руки у Вики отливали зеленцой из-за старых синяков, которыми была покрыта ее рука.

– Он тебя еще и бьет!

– Нет!

– Как же? А синяки?

– Нрав у Димки вспыльчивый. Что-то я не так сказала, вот он и разозлился.

– А если ты что-нибудь не так сделаешь, то он и убить может?

– Нет, убить нет.

– Ну, защищай его, – неодобрительно произнесла Серафима. – Он будет воровать, тебя бить, а ты его покрывай.

– Димка совсем не плохой парень, просто ему в жизни не повезло. По малолетке сел, потом никто его на работу брать не хотел. Так и покатился.

– Ты сюда пришла, чтобы чай пить и истории мне жалостливые про своего Димку рассказывать?

– Мне кажется, что я знаю, где Птаху с Парашютом могут прятаться. Если они ту квартиру вместе с Анькой обчистили, то я знаю, куда они могли барахло перевезти. Это тут недалеко. В гаражах. Хочешь, я тебе покажу?

– Давай лучше полицию позовем.

– Нет, полицию – нет! – замотала головой Вика. – Я же говорю, нельзя, чтобы Димка узнал, что я его дружков сдала. Он меня прибьет.

– А как же тогда?

– Я тебе покажу, а ты ментов туда отведешь потом. Вроде бы сама догадалась.

– Это как же я могла догадаться?

– Ну, типа, ты экстрасенс. Из космоса информацию считывать умеешь. Задала вопрос, а тебе мигом оттуда ответ. Я недавно кино смотрела, там девушка так следствию помогала. Вот и ты им скажешь, так, мол, и так, идите в гаражи, в таком-то боксе и найдете искомое. Мол, тебе видение было, и план, как до гаражей добраться, сразу в голове у тебя нарисовался. Я такое много где видела.

– Я тоже, но я-то не экстрасенс.

– Тогда скажешь, записку тебе подбросили.

– И где она? Они обязательно захотят записку своими глазами увидеть.

– Экая ты зануда! Ну скажешь, что выкинула бумажку. Мол, сначала значения не придавала, решила, что бред, а потом подумала и решила проверить. Ну что? Годится?

– Подозрительно как-то. Не поверят мне.

– Да какая разница, если ты их уже найдешь! Победителей не судят!

– А ты начитанная.

– Еще бы! У меня мама учительница русского языка и литературы. А папа историк.

– А как же ты... – вырвалось у Фимы, но она тут же замолчала, сообразив, что сейчас ляпнет. – Как же ты с Димкой связалась?

Вика вздохнула:

– Сердцу не прикажешь.

– Бросила бы ты его.

– Брошу, – серьезно пообещала Вика. – Обязательно брошу. Но сначала он должен ко мне привязаться, а еще лучше – полюбить. Как только полюбит, так сразу же я его и брошу.

– И зачем же такие сложности?

– Это мое дело, – спокойно произнесла Вика. – Так что? Пойдешь со мной?

– Если недалеко, давай сходим.

– Недалеко! – обрадовалась Вика. – Пара остановок от твоего дома!

Впрочем, эти остановки оказались весьма протяженными. Длинноногая Вика неслась легко, словно на ногах у нее были крылья. А вот и без того притомившаяся за ночь Фима ковыляла за ней кое-как.

– Вика, а как все-таки получилось, что ты живешь не с родителями, а с этим Димой?

– А что тут такого? Он мужчина, я женщина. Вот и живем.

– Сколько же тебе лет?

– Двадцать пять.

– Сколько? А я думала, тебе лет шестнадцать. Но все равно, почему Дима? Он же уголовник!

– Ты запыхалась, – сказала Вика. – Но мы уже пришли. Завернем за угол, там начинаются гаражи.

На вопрос, почему она выбрала уголовного Диму, а не какого-нибудь приличного кавалера из окружения своих интеллигентных родителей, Фима ответа так и не получила. Видимо, у Вики были какие-то свои резоны, чтобы жить той жизнью, которой она жила. И открывать их первой встречной она не собиралась. Ну да и ладно, лишь бы помощь Вики оказалась полезной.

– Сейчас нужно осторожней, – предупредила Вика шепотом, – нельзя, чтобы меня заметили. Нельзя, чтобы Птаха или Парашют сказали бы Димке, кто их сдал.

– Да, да, конечно, я понимаю.

Вика двинулась вперед, поглядывая по сторонам. Предосторожность совершенно излишняя, в этот ранний утренний час гаражи были еще пусты, а сторож на проходной мирно дремал.

Девушки прошли вдоль гаражей один раз, потом второй, когда они пошли на третий круг, Фима заметила:

– Мы тут уже были.

– Знаю! – с досадой отозвалась Вика.

– Но в чем тогда дело?

– Я не могу найти нужный! Помню, что он был зеленый, а на дверях было наклеено объявление со стрелкой, что «Шиномонтаж направо». Сейчас объявление явно сняли, а зеленые гаражи есть, но все какого-то не того оттенка.

– Может, его перекрасили?

– Свежих зеленых гаражей я не видела.

– Может, его в другой цвет перекрасили?

Они пошли по третьему кругу, и наконец Вика указала на выкрашенный в желтый цвет гараж.

– Этот!

Сама Фима уже давно обратила внимание именно на этот гараж. Оттенок напоминал ей цвет машины пропавшей Анны.

– В этот гараж она приводила Димку. Говорила, что гараж ей подарили вместе с машиной. Родители от щедрот своих подарили машину, а один их друг – этот гараж.

– Что за друг?

– Вот и Димка спросил о том же. Но Анька разве скажет, затащила его внутрь и дверь захлопнула.

– И что они дальше делали?

Вика хихикнула.

– Ты совсем дурочка, да? Что они могли тут еще делать? Фуги Баха разучивали!

– А тебе об этом откуда известно?

– Откуда-откуда... Известно, и все!

– Ты за ними следила?

– А хоть бы и так? Тебе сейчас важно найти украденное или в моей личной жизни копаться хочешь?

– Нет, нет, украденное, конечно, – испугалась Фима, потому что Вика казалась достаточно обозлившейся, и Фима испугалась, что та не захочет ей помогать.

– Ну так заходи.

– Сюда?

– Я почти уверена, что украденное они тут спрятали. Если это дело провернула Анька, то другого подходящего места, и чтобы еще поблизости, ей не найти.

– Почему ты думаешь, что ценности они спрятали поблизости?

– Очень просто. Анькина желтая машина у Димки под окнами появилась всего спустя час после кражи в квартире родителей Ани. Я специально по соседям бегала, узнавала. Один старичок мне и назвал время. Как раз впору ребятам доехать сюда, выгрузиться и назад, чтобы оставить машину, а самим в бега. Зайдем в гараж, а там все украденное и лежит!

– Но если тут их ждала другая машина? И они перегрузили ценности в нее?

На мгновение Вика задумалась.

– Что-нибудь все равно могли оставить. Забыть, уронить, утаить. А гараж этот – идеальное место, записан он совсем на другого человека, если не знать, что им владеет Анна, то нипочем не найдешь.

– Что, и родители об этом месте не знали?

Вика пожала плечами. Она выглядела встревоженной.

– Мы теряем время.

– Но как мы попадем внутрь? Тут же закрыто.

Вместо ответа Вика наклонилась, пошарила под одним обломком кирпича, подняла какую-то круглую ржавую железку, нахмурилась. Потом пошевелила пригоршню среднего размера камешков рядом, и лицо ее просветлело.

– Есть!

Теперь в руках у Вики был ключ.

– Видела, как Анна доставала его откуда-то отсюда. И запомнила!

– Ты прямо сыщик-шпион!

– Стараемся помаленьку.

Замок открылся без малейшего усилия, за ним явно хорошо ухаживали, смазывали маслом и часто им пользовались. Но, увы, на этом везение и закончилось, потому что внутри гаража было пусто. Машины тут быть и не могло, лимонного цвета красавец отдыхал сейчас на стоянке перед отделением полиции, куда его транспортировали для осмотра. А коробки... их не было! Коробок должно было быть великое множество, а не было ни одной.

И все-таки кое-что нашлось.

– Ковер!

Вдоль стены в самом темном месте гаража лежал свернутый в рулон ковер. Тот ли это был ковер, который украли из квартиры родителей Анны, или это был какой-то другой, сказать было трудно. Но ковер этот привлек к себе внимание Фимы, и она указала на него.

– Помоги мне его развернуть!

Вика не стала задавать лишних вопросов. Вдвоем они стали разворачивать ковер.

– Какой тяжелый!

– И внутри что-то есть!

– Родители Анны говорили, что у них имеются какие-то старинные шелковые скатерти с ручной вышивкой. Возможно, это они и есть?

Но внутри оказались не скатерти. Внутри ковра оказался живой человек. Женщина. А точнее, в ковер в лучших традициях похитителей невест оказалась завернута молодая девушка. Уже предчувствуя, кого она увидит, Фима все же заглянула в лицо.

– Это Анна.

Вика кивнула, подтверждая, что тоже узнает свою соперницу.

– И она без сознания!

– Еще бы, столько времени в ковре провести. Небось, там и дышать-то нечем.

– Она хоть живая?

Выглядела Анна настолько неважно, что Фима долго не решалась пощупать у нее пульс или послушать дыхание. Вика оказалась более решительной.

Наклонилась, прильнула к груди найденной девушки и спустя пару томительных мгновений кивнула:

– Стучит сердечко! Жива!

Попытки привести Анну в чувство подручными средствами в виде похлопываний по щекам, подсовывания за неимением нашатыря бутылки с растворителем и даже брызгание в лицо жидкостью для омывания стекол не возымели никакого успеха.

– Порядочно она задохнулась. Надо врачей вызывать, сами не справимся. Может, у нее кома или вообще ее удар хватил.

Врачей вызвали. Арсению позвонили. И пока не приехали ни те ни другие, присели, чтобы чуточку передохнуть, и попутно завели между собой разговор.

– Как Анна и ковер тут очутились? – произнесла Фима. – И куда делись остальные украденные вещи?

– Приходится признать, что это место показалось идеальным только мне. Птаха с Парашютом решили припрятать украденный хабар где-то еще.

– Но они были тут!

– Ясное дело, если Анька с ковром тут, то не сама сюда пришлепала. Видимо, после кражи ребята заглянули сюда, выгрузили ковер с Анькой, закрыли гараж и укатили себе дальше.

– Нет, они должны были сменить автомобиль. Им было необходимо перегрузить товар в другую машину, потом «лимонку» поставить возле дома Димы, чтобы бросить тень подозрения на него. И пока полиция занималась бы Димой, у этих двоих появилось время, чтобы улизнуть подальше.

– Но почему они избавились от части добычи?

– Ты имеешь в виду ковер? Хозяева сказали, что стоимость его не так уж высока, во всяком случае, по сравнению с остальной частью добычи. А тащить его с собой неудобно, да и тяжело.

– А зачем они его тогда вообще украл?

– Возможно, он просто не поместился в другую их машину. Да! Вполне возможно, что другая машина была чуть меньше, ковер в нее не влез, и они решили оставить его тут.

– Но они знали, что внутри находится Анька?

Это был серьезный вопрос. И тут мнения девушек разошлись. Фима склонялась к мысли, что воришки знали о том, что ковер не пустой, а с начинкой. Но Вика твердо стояла на той позиции, что ни Птаха, ни Парашют ничего не знали о содержимом ковра.

– Они отчаянные ребята, но все-таки не настолько. Это же убийство! Мокруха! Они никогда не подписались бы на такое!

– Анна жива.

– Это потому, что мы с тобой ее открутили. А пробудь она в ковре еще несколько часов? А если дней? Она бы в нем неминуемо задохнулась насмерть. Ребята не могли этого не понимать.

– Возможно, они собирались вернуться и освободить ее чуть позднее.

– А что бы им было сразу это не сделать? Уезжать, потом возвращаться, к чему эти лишние разъезды и хлопоты? Это и в обычной ситуации неприятно, а уж в их нынешнем положении им такие перемещения совсем ни к чему. У гаража их могут застукать. Да и на районе им мелькать нежелательно. Их же будут искать, это-то они должны были понимать!

– Значит, они и не собирались возвращаться. Они оставили ее умирать!

– Нет, я знаю Птаху! Он никогда не допустил бы убийства Аньки. Я точно знаю, что у них что-то было. И у Парашюта с Анькой что-то было. У нее со всеми что-то было, она никому не отказывала, но при этом никто из парней не имел к ней никаких претензий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.